

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ
ГБУК «САМАРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ МОЛОДЕЖИ»

ВЫПУСК 2
«ДАМСКИЙ МОДНЫЙ ЖУРНАЛ»



***«Встречаем по одежке»
классиков русской
литературы***

САМАРА, 2021

ББК 83.3(2=411.2)

П 34

Писатели и мода: «Дамский модный журнал» Вып. 2/ГБУК «СОБМ»; сост. Е.Е. Цупрова; ред. Е.О. Добронравова; отв. за вып. Е.А. Иванова.-Самара, 2021.

Уважаемые коллеги! Вашему вниманию предлагаются сценарии библиотечных подиумов, посвященных поэтам Серебряного века З.Н. Гиппиус, А.А. Ахматовой, М.И. Цветаевой. Материалы сборника помогут углубленному знакомству с их творческим наследием, особенностями стиля.

Отзывы и предложения просим направлять по адресу:

443110 г. Самара, пр. Ленина, д. 14

Самарская областная библиотека для молодежи

Телефон 8(846) 334 – 45 – 80

Сайт библиотеки: www.soub.ru

© ГБУК «Самарская областная библиотека для молодёжи»

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ



Сектор молодежного чтения ГБУК «СОБМ» продолжает серию **сборников методических материалов «ВСТРЕЧАЕМ ПО ОДЕЖКЕ» РУССКИХ КЛАССИКОВ**. Тема второго выпуска – «Дамский журнал». Героинями представленных в нем библио-подиумов стали три самые яркие литературные звезды русского Серебряного века - Зинаида Гиппиус, Анна Ахматова, Марина Цветаева.

Время смены эпох, исторического слома рубежа XIX и XX веков стало одним из периодов расцвета русской культуры и получило название «Серебряный век». В обществе царили жажда перемен и новых форм, художественных впечатлений. Исправлять несовершенства мира (духовные, социальные, экономические) предполагалось Красотой. И в реальной бытовой жизни, и в искусстве царил культ Красоты. А что ее может наиболее ярко воплощать? Конечно, женщина. Неслучайно в Серебряный век в культурном пространстве ярко заблистали дамы. Не стала исключением и поэзия.

Академик М.Л. Гаспаров отмечает: «... женская поэзия оставалась в начале XX века в России явлением несколько «экзотичным»... Поэтессам, входившим в литературу, приходилось преодолевать двойное сопротивление: не только недоверие к новому таланту, но и недоверие к тому, что этот талант принадлежит женщине». Дамы получили право не только на миленькое рукоделие, но и на полноценное художественное высказывание. Многие женщины заслужили право называться не скромными и милыми поэтессами, а настоящими Поэтами. В первую очередь следует назвать имена Зинаиды Гиппиус, Анны Ахматовой, Марины Цветаевой. Этим замечательным поэтам и удивительным женщинам посвящены включенные во второй выпуск библио-подиумы. Материалы сборника не только ярче представят их облик, человеческий и творческий имидж, стиль одежды, но и помогут современным молодым людям получить от этих великих женщин уроки

отношения к одежде, выработке неповторимого, индивидуального стиля.

КОЕ-ЧТО ИЗ ГАРДЕРОБА ЗИНАИДЫ ГИППИУС

Сценарий информационного подиума

Чтец

*Ее лорнет надменно-беспощаден,
Пронзительно-блестящ ее лорнет.
В ее устах равно проклятью «нет»
И «да» благословляюще, как складень.*

*Здесь творчество, которое не на день,
И женский здесь не дамствен кабинет...
Лью лесть ей в предназначенный сонет,
Как льют в фужер брожение виноградин.*

*И если в лирике она слаба
(Лишь издевательство — ее судьба!) —
В уменье видеть слабость нет ей равной.
Кровь скандинавская прозрачней льда,
И скован шторм на море навсегда
Ее поверхность самодержавной.*

Игорь Северянин



Ведущий 1

Такой изящный поэтический портрет героини нашего сегодняшнего библио-подиума создал ее коллега Игорь Северянин. Лорнет, загадочный блеск ауры скандинавского холода... Не будем

интриговать уважаемую публику загадками (хотя дама любила и умела это делать!). Перед нами во всей своей экстравагантной красоте предстанет Зинаида Николаевна Гиппиус.

Ведущий 2

Без Зинаиды Николаевны Гиппиус, безусловно, нельзя представить себе русскую литературу конца XIX - первой половины XX века. Она стала одним из самых эпатажных и привлекающих внимание поэтических украшений русского Серебряного века, одним из лидеров символизма. Можно было относиться к ней уважительно или с пренебрежением, но нельзя было делать вид, что ее нет в литературе. Она – не только поэт, прозаик, но и авторитетный критик, душа многих общественных предприятий, непосредственно влиявших на литературу. Гиппиус и сама не могла представить себя вне литературной и общественной жизни. Ее острый ум и блистательные беседы заставляли собеседников изощрять свои не только литературные, но и духовные способности, тренировать интеллект, оттачивать аргументацию в спорах.

«Есть люди, которые как будто выделаны машиной, на заводе, выпущены на свет божий целыми однородными сериями, и есть другие, как бы «ручной работы» - и такой была Гиппиус», писал в воспоминаниях о ней литератор Георгий Адамович. «Единственность Зинаиды Гиппиус», так Александр Блок назвал совершенно своеобразное соединение личности и поэзии, которое носило имя Зинаида Гиппиус.

Сама о себе Зинаида Николаевна, искусно внедряя в сознание современников задуманный ею декадансный образ, сообщала:

Чтец

Она

*В своей бессовестной и жалкой низости,
Она как пыль сера, как прах земной.
И умираю я от этой близости,
От неразрывности ее со мной.*

*Она шершавая, она колючая,
Она холодная, она змея.
Меня изранила противно-жгучая
Ее коленчатая чешуя.*

*О, если б острое почуял жало я!
Неповоротлива, тупа, тиха.
Такая тяжкая, такая вялая,
И нет к ней доступа — она глуха.*

*Своими кольцами она, упорная,
Ко мне ласкается, меня душа.
И эта мертвая, и эта черная,
И эта страшная — моя душа!*

Ведущий 1

Зинаида Николаевна Гиппиус родилась 20 ноября 1869 года в обрусевшей немецкой дворянской семье в скромном провинциальном городке Белёве Тульской губернии. Сюда приехал после окончания Московского университета ее отец Николай Романович Гиппиус. Мать, Анастасия Васильевна, урождённая Степанова была дочерью екатеринбургского обер-полицмейстера. По необходимости, связанной со служебной деятельностью отца, семья часто переезжала с места на место. Детство Зинаиды прошло на Украине, в бело-сиреневом Нежине. Потом семья Гиппиус переехала в Москву. Зина поступила в классическую гимназию Фишера на Остоженке. Но получить солидное систематическое образование будущей звезде литературных салонов не удалось. У девочки внезапно открылся туберкулез, и родители увезли ее в Крым, а затем в Тифлис.

В Боржоми, где отдыхала семья Гиппиус, молодежь была без ума от высокой, статной девушки с золотистыми волосами и изумрудными глазами. Зинаида любила танцевать, увлекалась музыкой, живописью, верховой ездой. И, конечно, сочинительством: вела дневник, писала стихи.

Ведущий 2

В Боржоми произошла ставшая для Зинаиды Николаевны судьбоносной встреча с Дмитрием Мережковским, «серьезным молодым человеком с энциклопедическими знаниями». Он сумел привлечь внимание девушки тем, что умел говорить «интересно об интересном». «Но почти всегда разговор наш выливался в спор», — отмечала Зинаида Николаевна.

Само описание знакомства, объяснения в любви, сватовства и бракосочетания потом в воспоминаниях Зинаиды Николаевны прозвучало очень «по-гиппиусовски», вроде бы легко, небрежно, обыденно, но странно и не без иронии: «Любопытно, что у меня была минута испуга, я хотела эти свиданья прекратить, и пусть он лучше уезжает. Что мне с ним делать? Он умнее меня. Я это знаю, и все время буду знать, и помнить, и терпеть... Этой мгновенно промелькнувшей мыслью я доказала, кстати, что умней меня и не трудно быть. Через несколько дней очень многое неожиданно выяснилось ... или запуталось. Во всяком случае, изменилось. <...> 11 июля, в Ольгин день, в ротонде был танцевальный вечер <...> Я не могу припомнить как начался наш странный разговор. Самое странное, что он мне тогда не

показался странным. Мне уже не раз делали, как говорится, «предложение». Еще того чаще слышала я «объяснение в любви». Но тут не было ни «предложения», ни «объяснения»: мы, и главное, оба вдруг стали разговаривать так, как будто давно уже было решено, что мы женимся и что это будет хорошо».



З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский

Ведущий 1

Наконец пришло время подумать о свадьбе. Обсуждая предстоящее торжество, молодые люди (Зинаиде Николаевне к этому времени исполнилось 19 лет, а Дмитрию Сергеевичу 23) с удовольствием отметили, что обоим противна буржуазность: фата, белое платье, цветы ... «В этот период мы с Д. С. ссорились, хотя не так, как в дни первого знакомства и в первый год после свадьбы, но всё же часто», — признавалась Гиппиус в своем дневнике. У обоих был характер помолодому неуступчивый, у меня в особенности. Но в том, что всякие «свадьбы» и «пиры» — противны, что надо сделать всё попроще, днём, без всяких белых платьев и вуалей, — мы были согласны».

Зинаиде Николаевне и Дмитрию Сергеевичу, как верным поклонникам Николая Чернышевского, важно было пожениться так, чтобы это выглядело обыденным, даже скучным событием. 8 января 1889 года Гиппиус и Мережковский обвенчались в тифлисской церкви Михаила Архангела. Невеста была в строгом сером костюмчике и маленькой шляпке на розовой подкладке. Жених пришел на венчание в скромном сюртуке и в форменной шинели.

После венчания молодые в кругу семьи невесты (мамы и сестер) попили чаю. Мережковский отправился к себе в гостиницу, а Гиппиус осталась спать у себя. На утро Зинаида с удивлением вспомнила, что она, оказывается замужем: «<...> я легла спать и забыла, что замужем. Да так забыла, что на другое утро едва вспомнила, когда мама, через дверь, мне крикнула: «Ты еще спишь, а уж муж пришел! Вставай!».

Ведущий 2

Несмотря на такое одновременно экстравагантное и целомудренное начало, молодые люди составили на редкость гармоничную пару. Гиппиус и Мережковский прекрасно понимали и взаимно дополняли, и уравнивали друг друга. Забегая вперед, отметим, что они прожили вместе 52 года, не разлучаясь ни разу, ни на один день.

Ведущий 1

Сразу после свадьбы Гиппиус и Мережковский переехали в Петербург и поселились в небольшой съёмной квартире. У каждого был собственный кабинет и общая гостиная, где они принимали гостей - поэтов, писателей, художников, религиозных и политических деятелей. Гиппиус стала царицей этого блестящего литературного салона. Не хозяйкой, а именно царицей. Она притягивала к себе людей не только внешностью и поэтической славой, но и обаянием своей незаурядности, остротой и беспощадностью критического чутья, силой и глубиной интеллекта. Хрупкая капризная девочка, которую поначалу воспринимали лишь как тень знаменитого мужа, сумела сломать все возможные стереотипы и завоевать среди современников титул «декадентской мадонны» – вдохновительницы и одного из самых беспощадных критиков своей эпохи.

Ведущий 2

«Декадентская мадонна», «сильфида», «белая дьяволица» (образ из романа Мережковского «Воскресшие боги»), «чертова кукла» (образ из романа самой Гиппиус), вызывающая и дерзкая «ведьма», вокруг которой роятся слухи, сплетни, легенды и, которая их деятельно умножает. Особенно любила Гиппиус, когда ее величали «ведьмой». Это было как награда за прилежание, как признание, что тот демонический образ, который она внедряла в сознание современников, ими усвоен.

В представлении общества Зинаида Николаевна была *femme fatale*. Философ Василий Розанов однажды с опаской сказал: «Это, я вам скажу, не женщина, а настоящий черт — и по уму, и по всему прочему, Бог с ней, Бог с ней, оставим ее...».

С обескураживающей публику бравадой она читала на литературных вечерах свои «кощунственные» стихи. Поэтическая строчка Гиппиус «Мне нужно то, чего нет на свете» облетела всю читающую Россию и принесла ей поэтическую славу. А другая строчка: «...люблю я себя, как Бога» прибавила к этой славе элемент скандала. Эти ее эпатажные формулы дали повод, как тогда выражались, «к неуместным применениям»: появились томные юноши и девы, заявляющие о своем желании «того, чего нет на свете».

Ведущий 1

Высоко откинув острый локоть, Гиппиус имела привычку поминутно подносила к близоруким глазам золотой лорнет и, прищурясь, через него рассматривала людей, как букашек, не заботясь о том, приятно ли им это или не приятно. Бесцеремонный, впивающаяся в собеседника лорнет стал фирменным знаком Гиппиус (и тоже предметом для подражания).

Ведущий 2

Зинаиде Николаевне очень хотелось поражать, притягивать взоры, очаровывать, покорять, привлекать внимание. В мемуарах неоднократно встречаются упоминания о том, как странно она пользовалась косметикой. Гиппиус смело накладывала на свое нежное прозрачное лицо толстый слой пудры кирпичного цвета – вопреки моде и даже приличиям. Зинаида Николаевна ярко румянилась и красила губы, как делают это актрисы для сцены. Это придавало ее лицу вид маски, подчеркивало ее «выверты», ее искусственность.

«Одевалась она живописно», — свидетельствует эмансипированная литераторша Ариадна Тыркова-Вильямс. «Однажды пришла в длинной белой шелковой, перехваченной золотым шнуром тунике. Широкие, откиннутые назад рукава шевелились за ее спиной точно крылья».

Особое пристрастие Гиппиус питала к сверкающему белому цвету.



З.Н. Гиппиус

Ведущий 1. Более по-аристократически снисходителен к Зинаиде Николаевне был Иван Бунин: «<...> медленно вошло как бы некое райское видение, удивительной худобы ангел в белоснежном одеянии и с золотистыми распущенными волосами, вдоль обнаженных рук которого падало до самого полу что-то вроде не то рукавов, не то крыльев».

Ведущий 2

Отмечал любовь Гиппиус к белому цвету и замечательный художник и историк искусства Александр Бенуа: «Высокая, очень тощая, довольно миловидная блондинка с постоянной «улыбкой Джоконды» на устах, но неустанно позировавшая и кривлявшаяся; была она всегда одета во все белое — «как принцесса Греза»».



З.Н. Гиппиус

Ведущий 1

Каждый выход Зинаиды Николаевны в свет был словно выход на сцену театра. «Вся она была вызывающе «не как все» <...>: Сама себе З. Н. нравилась безусловно и этого не скрывала», — вспоминал поэт, художественный критик и организатор художественных выставок

Сергей Константинович Маковский. «Ее давила мысль о своей исключительности, избранности, о праве не подчиняться навыкам простых смертных. ... И одевалась она не так, как было в обычае писательских кругов, и не так, как одевались «в свете», — очень по-своему, с явным намерением быть замеченной. Платья носила «собственного» покроя, то обтягивавшие ее, как чешуей, то с какими-то рюшками и оборочками, любила бусы, цепочки и пушистые платки».



О.А. Флоренская. З.Н. Гиппиус

Ведущий 2

«Гиппиус была не только поэтессой по профессии», — подчеркивал искусствовед и театральный критик Аким Львович Волинский. Она сама была поэтична насквозь. Одевалась она несколько вызывающе и иногда даже крикливо. Но была в ее туалете все-таки большая фантастическая прелесть. Культ красоты никогда не покидал ее ни в идеях, ни в жизни».

Ведущий 1

Вершина эпатажа Гиппиус — пристрастие к мужскому костюму. Зинаида Николаевна, подобно романистке Жорж Санд, любила мужские псевдонимы и мужскую одежду. Курила она папиросы с длинным мундштуком — очень неприлично для дамы! На даче Гиппиус носила штанишки и матросскую блузу, причем соседние дамы и деревенские даже к этому привыкли. Неслучайно на одном из самых лучших своих портретов, выполненном Львом Самойловичем Бакстом, Гиппиус запечатлена в элегантном мужском костюме. Художник сначала сделал набросок, и он удивительно удался. Бакст пожелал именно его превратить в окончательный вариант. Ему пришлось подклеить лист, потому что (тут девушки могут испытать острый приступ зависти) иначе не удавалось правдоподобно изобразить бесконечно длинные и бесконечно красивые ноги Зинаиды Гиппиус. Да еще и вызывающая поза!

Лев Бакст изобразил на своем портрете Гиппиус, кокетливо полулежащей на стуле, в камзоле и панталонах; длинные скрещенные ноги вытянуты по диагонали холста, отчего вся фигура кажется еще более удлиненной. На бледном лице, окаймленном белым жабо, под узкими резко очерченными бровями чуть насмешливо и презрительно смотрящие глаза, тонкие злые губы.



Л.С. Бакст. Портрет З.Н. Гиппиус

Ведущий 2

Сегодня сложно понять, до чего скандальным и неприличным был ее откровенно мужской облегающий костюм. Следует отметить, что Гиппиус изображена не просто в костюме, а в образе популярного в то время литературного героя. Зинаида Николаевна одета в костюм маленького лорда Фаунтлероя, героя практически забытого теперь романа писательницы Френсис Бёрнетт. Благодаря этой книге чёрный бархатный костюм с кружевным воротником, подробно описанный писательницей и проиллюстрированный Реджинальдом Бёрчем, оказал сильное влияние на моду.

В том, что Зинаида Николаевна примеряла на себя этот костюм, который ей был чрезвычайно к лицу, тоже есть элемент и иронии, и провокации. В брюках Гиппиус на многих фотографиях. Это своеобразная вариация на тему Сары Бернар в роли Гамлета.



З.Н. Гиппиус

Ведущий 1

Примечательно, что Гиппиус позволяла себе писать стихи от мужского имени, а для едких критических статей предпочитала использовать мужские псевдонимы — Товарищ Герман, Лев Пуцин, Антон Крайний с его походными песнями-агитками (последний, наряду с «красным» антагонистом Демьяном Бедным, стал даже более заметной литературной фигурой, чем сама Гиппиус).

Ведущий 2

Нельзя не согласиться с критиком Натальей Осьмаковой: «То, что Гиппиус преднамеренно творила вокруг себя все эти «безобразия», не вызывает сомнений. Но создается ощущение, что, прибегая к «игре»,

столь ценимой ею за «бескорыстие» и «загадочность» (см. ее стихотворение «Игра»), она сознательно переключает внимание, наводит на ложный след, отвлекает от себя, скрывая под «литературной маской» свое истинное лицо, которого не хочет обнаруживать».

Чтец

Игра

*Совсем не плох и спуск с горы:
Кто бури знал, тот мудрость ценит.
Лишь одного мне жаль: игры...
Ее и мудрость не заменит.*

*Игра загадочней всего
И бескорыстнее на свете.
Она всегда — ни для чего,
Как ни над чем смеются дети.*

*Котенок возится с клубком,
Играет море в постоянство...
И всякий ведал — за рулем —
Игру бездумную с пространством.*

*Играет с рифмами поэт,
И пена — по краям бокала...
А здесь, на спуске, разве след —
След от игры остался малый.*

Ведущий 1

Мережковские познали и бедствия эмиграции, и горький хлеб чужбины. Но оба они были с выработанной десятилетиями привычкой ежедневного труда за письменным столом. Это были литераторы высокой профессиональной выучки, столь нередкой в XIX веке, они стали живыми носителями этой традиции, живыми классиками. Быту Мережковские уделяли ровно столько внимания, сколько требовалось, чтобы он не мешал им работать, принимать людей, общаться с ними. В письмах Гиппиус то и дело встречаются строчки о том, что она штопает белье, чинит одежду, что-то шьет и перешивает, и, видимо, не от хорошей жизни. Когда были деньги, она покупала дорогие перчатки, дорогие духи, когда не было, штопала и перешивала. Как отмечала русская писательница, поэтесса, педагог, автор документально-биографических исследований и мемуаров Нина Николаевна Берберова, у Мережковских «бывали все или почти все» и маститые писатели, и

литературная молодежь. Именно у Мережковских зародилось известное в эмиграции литературное общество «Зеленая лампа».

Ведущий 2

К старости экстравагантность Гиппиус в одежде стала приобретать карикатурный характер. «Одевалась она очень странно», — вспоминала литературная звезда предреволюционного Петербурга и эмиграции Надежда Тэффи. «В молодости оригинальничала. С годами это оригинальничание перешло в какую-то ерунду. На шею натягивала розовую ленточку, за ухо перекидывала шнурок, на котором болтался у самой щеки монокль. Зимой она носила какие-то душегрейки, пелеринки, несколько штук сразу, одна на другой».



З.Н. Гиппиус

Ведущий 1

В книге «На берегах Сены» Ирина Одоевцева ярко характеризует способность Гиппиус в любой обстановке оставаться женщиной: «Зинаида Николаевна — великолепный пример того, как надо уметь элегантно эпатировать, уметь носить экстравагантную одежду. Она демонстрировала гармоническое сочетание внешнего и внутреннего обликов».

Ведущий 2

Стихами и прозой Гиппиус зачитывались, обсуждали мельчайшие детали туалета, оплетая жизнь автора изящной паутиной сплетен, слухов, легенд. Исследователи и читатели не могут разобраться в этом ажурном хитросплетении до сих пор. Зинаида Николаевна была бы

довольна. Жизнетворчество (эксклюзивное изобретение символистов) удалось на славу.

Ведущий 1

А еще больше будет довольна Гиппиус, если вы наберетесь смелости, откроете и станете увлеченно читать ее книги! Напоминаю, они есть в нашей библиотеке! Милости просим!

Для получения дополнительной информации загляните в книги:

- **Гиппиус, З. Мне нужно то, чего нет на свете: Живые лица.** Петербургский дневники /З. Гиппиус. — М.: АСТ, 2017. — 416 с.
- **Гиппиус, З. Ничего не боюсь /З. Гиппиус.** — М.: Вагриус, 2002. — 560 с. — (Мой XX век).
- **Гиппиус, З. Чего не было и что было: неизвестная проза 1926-1930 гг./ З. Гиппиус.** — СПб: Росток, 2002. — 592 с.
- **Гехтман, М.В. Моя Зинаида Николаевна Гиппиус /М.В. Гехтман.** — М.: Новый хронограф, 2016. — 464 с.
- **Декадентская Мадонна:** подборка статей к 150-летию Зинаиды Гиппиус. — Текст доступен по ссылке: <https://www.labyrinth.ru/now/gippius-mamedov/>
- **Злобин, В. Тяжелая душа:** Литературный дневник. Критика. Статьи, воспоминания о Зинаиде Гиппиус/В. Злобин. - М.: НПО «Интелвак, 2004. — Текст доступен по ссылке: https://gippius.com/about/zlobin_tyazhelaya-dusha.html
- **Любовь — одна: о творчестве Зинаиды Гиппиус.** — Текст доступен по ссылке: https://www.liveinternet.ru/users/thea_311/post184950688/

ОДЕВАТЬСЯ КАК ЦАРСТВЕННАЯ АХМАТОВА

Сценарий информационного подиума



Чтец

*Послушница обители Любви
Молитвенно перебирает чётки.
Осенней ясностью в ней чувства чётки.
Удел — до святости непоправим.*

*Он, Найденный, как сердцем ни зови,
Не будет с ней в своей гордыне кроткий
И гордый в кротости, уплывший в лодке
Рекой из собственной её крови...*

*Уж вечер. Белая взлетает стая.
У белых стен скорбит она, простая.
Кровь капает, как розы, изо рта.*

*Уже осталось крови в ней немного,
Но ей не жаль её во имя Бога;
Ведь розы крови — розы для креста...*

Игорь Северянин

Ведущий 1

Как изящно вплел Игорь Северянин в свой сонет названия стихотворных сборников Ахматовой «Четки», «Вечер», «Белая стая»!

Господа! Вы, конечно, догадались что на сегодняшнем нашем библио-подиуме царит сама Анна Андреевна Ахматова! Невольно хочется восхищенно воскликнуть: «Ах!».

Ведущий 2

Поэт и друг Ахматовой Иосиф Бродский в статье «Скорбная муза» писал: «Так или иначе, пять открытых «А» Анны Ахматовой обладали гипнотическим эффектом и естественно поместили имени этого обладательницу в начало алфавита русской поэзии. В каком-то смысле это имя оказалось ее первой удачной строчкой, запоминающейся тотчас своею акустической неизбежностью, с этими «ах», оправданными не столько сентиментальностью, сколько историей. Строчка эта свидетельствовала о неординарной интуиции и качестве слуха семнадцатилетней девушки, ставшей вскоре после первой публикации подписывать свои письма и официальные документы тем же именем — Анна Ахматова. Как бы предваряя идею личности, возникающую от совпадения звука со временем, псевдоним обернулся пророчеством».

Ведущий 1

Ахматова — великолепный Поэт и не менее великолепная Женщина! Неслучайно ее полусутя, полусерьезно величали акмеистской Евой. Каждый её выход в свет был необычным. Анна Андреевна любила и умела одеваться по последней моде. По словам самой Ахматовой, она не стеснялась делать с собой всё, что соответствовало новым модным веяниям. «Я всю жизнь могла выглядеть по желанию, от красавицы до уroda».

«Анна Андреевна поразила меня своей внешностью», — отмечал поэт, литературный критик Георгий Адамович. «Теперь, в воспоминаниях о ней, ее иногда называют красавицей: нет, красавицей она не была. Но она была больше, чем красавица, лучше, чем красавица. Никогда не приходилось мне видеть женщину, лицо и весь облик которой повсюду, среди любых красавиц, выделялся бы своей выразительностью, неподдельной одухотворенностью, чем-то сразу приковывавшим внимание».

Ведущий 2

Уже в гимназии Ахматова выделялась среди других девочек: её форма несколько отличалась от остальных — материал был более приятного цвета, идеально соответствовал фигуре. Поэтессу часто принимали за француженку незнакомые люди, потому что Ахматова моментально умела реагировать на появление новых модных вещей.

Модница носила такую одежду, которая ещё не успела появиться в каталогах. Ахматова вообще любила отличаться в одежде — не просто следовать моде, но носить то, что шло именно ей.

Ведущий 1

«Даже в мелочах Горенко отличалась от нас. Все мы, гимназистки, носили одинаковую форму — коричневое платье и черный передник определенного фасона», — вспоминала соученица Анны Ахматовой (тогда еще Горенко) по киевской Фундуклеевской гимназии Вера Беер. «У всех слева на широкой грудке передника вышито стандартного размера красными крестиками обозначение класса и отделения. Но у Горенко материал какой-то особенный, мягкий, приятного шоколадного цвета. И сидит платье на ней как влитое, и на локтях у нее никогда нет заплаток. А безобразие форменной шляпки-пирожка на ней незаметно».



А.А. Ахматова (Горенко)

Ведущий 2

Насколько это восприятие соответствовало действительности, судить трудно. В воспоминаниях Беер вообще заметно особое, как будто намеренное подчеркивание необычности Анны Горенко. Своего рода преклонение перед ее «особостью». Не вполне ясно, действительно ли

это ощущение идет из детства — или сформировалось уже постфактум, в воспоминаниях, когда мысль оценивала не знакомую девочку, а знаменитую поэтессу. Действительно ли ее тетя и дядя Вакары (в их семье жила юная Анна, когда училась в Киеве) покупали ей какие-то исключительные платья? Впрочем, вот еще отрывок из воспоминаний Веры Беер — в самом деле, об исключительном, выделявшемся среди других, материале: «Почти у всех дешевенький, а следовательно, и узенький коленкор; приходится приставлять к ширине клинья, что мы не особенно-то любим», — описывает Вера Беер гимназический урок шитья. «Очередь дошла до Ани Горенко. В руках у нее бледно-розовый, почти прозрачный батист-линон, и такой широкий, что ни о каких неприятных клинчиках и речи быть не может. Но Анна Николаевна с ужасом смотрит на материал Горенко и заявляет, что такую рубашку носить неприлично. Лицо Ани Горенко покрывается как бы тенью, но с обычной своей слегка презрительной манерой она говорит: «Вам — может быть, а мне нисколько».

Ведущий 1

Так что это было? «Волшебный» материал? Или «волшебная девушка», на которой любая, самая будничная одежда — например, школьная форма — выглядит необычайно? Безусловно, уже началась мифологизация образа.

Ведущий 2

С официальными гимназическими платьями из «красивой материи» резко контрастирует одежда «дикой девочки». В нее Анна Горенко превращалась каждое лето на Черном море, в окрестностях Севастополя. «Вы не можете себе представить, каким чудовищем я была в те годы, — рассказывала Анна Андреевна Лидии Чуковской. — Вы знаете, в каком виде тогда барышни ездили на пляж? Корсет, сверху лиф, две юбки — одна из них крахмальная — и шелковое платье. Наденет резиновую туфельку и особую шапочку, войдет в воду, плеснет на себя — и на берег. И тут появлялось чудовище — я — в платье на голом теле, босая. Я прыгала в море и уплывала часа на два. Возвращалась, надевала платье на мокрое тело — платье от соли торчало на мне колом. И так, кудлатая, мокрая, бежала домой».

Ведущий 1

Юную Ахматову нередко видели в белом. Этот цвет выгодно подчеркивал благородство облика и воздушность тонкой и гибкой фигуры. Вот ее собственное свидетельство: «В десятых годах однажды у Сологуба был вечер в пользу ссыльных большевиков. И я участвовала. Я была в белом платье с большими воланами, с широким стоячим воротником».

А вот образ Анны Ахматовой во время ее второй парижской поездки, в 1911 году: «Она была очень красива, — рассказывает Надежда Чулкова, — все на улице заглядывались на нее. На ней было белое платье и белая широкополая соломенная шляпа с большим белым страусовым пером — это перо ей привез только что вернувшийся тогда из Абиссинии ее муж — поэт Николай Гумилев».

Ведущий 2

Одеваться по парижской моде в те годы было для нее естественно. В 1910-х годах юную Ахматову можно было принять за француженку: «В 1911 году я приехала в Слепнево прямо из Парижа, и горбатая прислужница в дамской комнате на вокзале в Бежецке, которая веками знала всех в Слепневе, отказалась признать меня барыней и сказала кому-то: «К слепневским господам хранцужанка приехала».

Анна Ахматова прекрасно разбиралась в модных тенденциях — и, что примечательно, хорошо помнила о них много лет спустя, когда писала воспоминания, например, о 1910 годе: «Женщины с переменным успехом пытались носить то штаны (jupes-culottes), то почти пеленали ноги (jupes-entravees)».



А.А. Ахматова

Ведущий 1

За одетую по европейской моде «хранцужанку» поэтессу принять было нетрудно. Это подтверждают и сохранившиеся фотографии. Элегантное парижское платье Ахматовой на снимке 1912 года «является

последней новинкой моды». Анна Андреевна предстала в светлом платье с изящном кружевным воротничком, аккуратно завершающими рукав манжетками-воланами.

Ведущий 2

Впрочем, юная Ахматова действительно позволяла себе одеваться как хотела и отнюдь не только по модным журналам. Вот как вспоминает о ее нарядах 1911 года Вера Неведомская, соседка Гумилевых по поместью: «Ходит то в темном ситцевом платье вроде сарафана, то в экстравагантных парижских туалетах (тогда носили узкие юбки с разрезом)». Очевидно, это было проявлением все той же внутренней свободы, что и резкое «вам — может быть, а мне нисколько».

Ведущий 1

При знакомстве с родней Гумилева Ахматова вызвала их недоумение показной небрежностью. «Мою маму удивила небрежность ее одежды, — вспоминает Елена Борисовна Чернова. — Борта ее блузки были застегнуты английскими булавками». Грубые булавки у модницы и аристократки Ахматовой?! Что стоит за этой странной деталью? Нежелание соответствовать общепринятым нормам приличия? Стремление эпатировать? Или, может быть, действительно, небрежность, невнимание к внешнему виду?

Что же касается английских булавок на блузке, то здесь, скорее, проглядывает то свойство Ахматовой, которое она сама не единожды описывала разным собеседникам: «Я всю жизнь могла выглядеть по желанию: от красавицы до уroda».

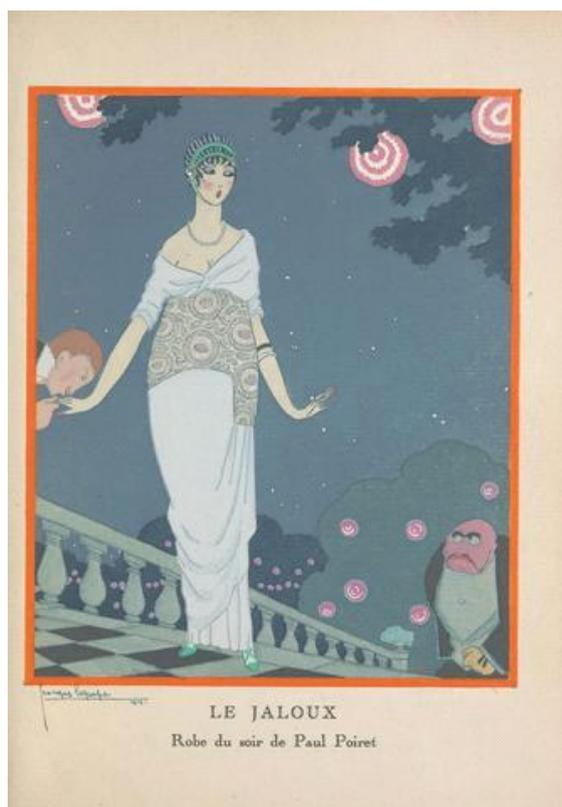
Ведущий 2

Изящная Ахматова не могла пройти мимо модного увлечения (сейчас бы сказали тренда) начала XX века — «хромающей» юбки от Поля Пуаре. Передвигаться в этом «писке моды» можно было только маленькими шажками. «Блестящий успех выпал на долю узкой юбки, завоевавшей, несмотря на протест пуритан, общие симпатии. И мы должны сознаться, что мы лично тоже находим какую-то особую прелесть в этих узких модных юбках; конечно, мы исключаем безобразные утрировки, при которых юбка мерила всего 1,5 аршина в подоле, и несчастные модницы не могли без посторонней помощи сесть в экипаж», — писал журнал «Модный свет» №1 за 1912 год. Узкая юбка мелькает в одном из стихов Ахматовой, описывающих ее посещение знаменитого арт-кафе «Бродячая собака»:

Я надела узкую юбку,
Чтоб казаться еще стройней.



Анна Ахматова. Рисунок Анны Зельмановой



Вечернее платье от Поля Пуаре
Иллюстрация из La Gazette du Bon Ton. 1913 г.

Ведущий 1

Одним из главных атрибутов одежды Ахматовой была шляпка. Причем необычной формы. Почти каждый раз аксессуар менялся на новый. Анна Андреевна тонко чувствовала все изменения в мире моды.

В 1900-е годы в моду вошли шляпы причудливых форм, которые подчас напоминали блюда с царского стола. Они украшались искусственными цветами, страусовыми перьями и даже чучелами птиц: ястребов, куропаток, пестрых фазанов и декадентских воронов.



А.А. Ахматова



Дамские шляпки из каталога мод Н. О'Neill & Co. 1899–1900 гг.

Ведущий 2

На смену экстравагантным конструкциям из перьев и цветов первого десятилетия XX века пришли простые фетровые шляпы: ток — круглая шляпка без полей, и клош — шляпка-колокольчик с небольшими опущенными вниз полями. Ахматова была большой поклонницей таких фасонов и говорила о 1910-х годах: «Это было тогда, когда я заказывала себе шляпы», — назначая один из любимых аксессуаров символом эпохи.

Именно такой её облик знаком нам по фотографиям в учебниках литературы, написанных в то время, когда пропаганда старалась сделать образ Ахматовой близким к народу. Сама поэтесса в воспоминаниях говорила, что «мода начала десятых была ей по душе больше всего».



Анна Ахматова в шляпке клош

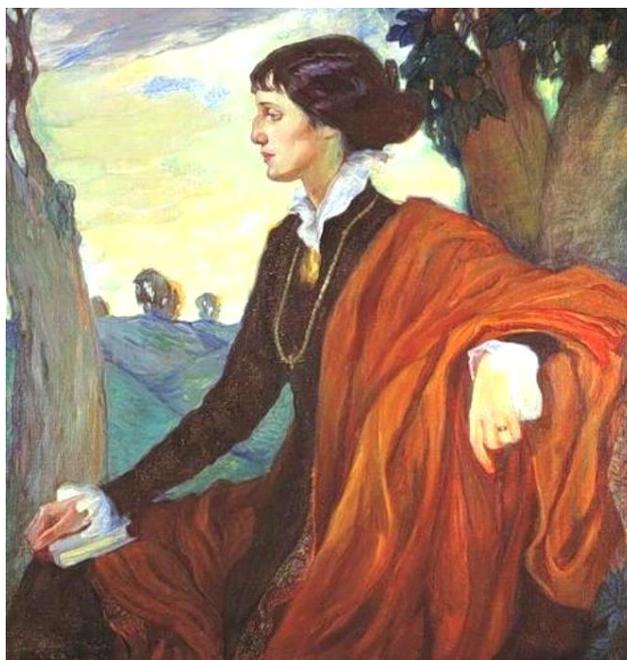
Обратите внимание на дополняющую шляпку знаковую для Анны Андреевны деталь – вуаль. Как истинная аристократка, она и в стихах, и в жизни она не открывает, не обнажает чувств, а прячет их под прозрачной дымкой вуали.

Ведущий 1

Образ поэтессы неизменно дополнялся еще и изящно задрапированной шалью. Этот аксессуар также был ее любимым: «Вот

это в самом деле моя вещь», — признавала сама Ахматова. «Да! Шали идут ей любые», — подтверждала Лидия Корнеевна Чуковская.

Не удивительно, что именно эта, ее, вещь была мифологизирована в блоковском мадригале. Этот элемент одежды фигурирует практически во всех посвященных ей поэтических посланиях (Александра Блока, Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама).



Ольга Кардовская
Портрет А. Ахматовой

Чтец

Александр Блок

Анне Ахматовой

«Красота страшна» — Вам скажут, —
Вы накинете лениво
Шаль испанскую на плечи,
Красный розан — в волосах.

«Красота проста» — Вам скажут, —
Пёстрой шалью неумело
Вы укроете ребенка,
Красный розан — на полу.

Но, рассеянно внимая
Всем словам, кругом звучащим,
Вы задумаетесь грустно
И твердите про себя:

«Не страшна и не проста я;
Я не так страшна, чтоб просто

Убивать, не так проста я,
Чтоб не знать, как жизнь страшна».

1913 г.

Ведущий 2

Сама Ахматова по поводу этого стихотворения оставила такой комментарий: «У меня никогда не было испанской шали. Но в это время Блок бредил Кармен и испанизировал меня».

Ведущий 1

У Осипа Мандельштама шаль становится «ложноклассической», ассоциирующейся с расиновской Федрой:

Чтец

Осип Мандельштам

«В пол-оборота, о печаль,
На равнодушных поглядела.
Спадая с плеч, окаменела
Ложноклассическая шаль».

Зловещий голос — горький хмель —
Души расковывает недра:
Так — негодующая Федра —
Стояла некогда Рашель».



Н. Альтман. А.А. Ахматова

Ведущий 2

У Цветаевой шаль превращается в символ ахматовской подчеркнутой «нерусскости», восточности.

Чтец

Марина Цветаева

«Узкий, нерусский стан —
Над фолиантами.
Шаль из турецких стран
Пала, как мантия».

Ведущий 1

Особое пристрастие к шалям Анна Андреевна сохранит на протяжении всей жизни.



Платье и шаль, принадлежавшие Анне Ахматовой. В схожей одежде можно видеть ее и на фотографиях – причем разного времени.

Ведущий 2

После катаклизмов Первой мировой войны и революций прежняя мода стала забываться. В условиях советской России это было естественно. В то время вовсе было не до свежих модных «парижских» новостей. В 1920-х годах полстраны ходило в обносках, «в каких-то своих лохмотьях» — как говорила Ахматова. «В оборванных и страшных фигурах я иногда узнавала царскоселов», — писала она о том времени.

В 1920-м, к удивлению писателя и литературоведа Корнея Ивановича Чуковского, она вдруг заговорит о том, чего в это голодное

время больше нет в России: о европейской моде. «А вдруг в Европе за это время юбки длинные или носят воланы. Мы ведь остановились в 1916 году — на моде 1916 года».

Вообще 1920-1930-е (а за ними и 1940-е) годы — длинный период вынужденного «небрежения» к внешнему виду. На фотографиях 20-30-х годов Анна Андреевна запечатлена в модных тогда платьях в мелкий цветок, какие, кстати, также любила Вирджиния Вулф.



А.А. Ахматова Модные платья. Иллюстрация из «Женского журнала» 1925 г.

Ведущий 1

Несмотря на самые разнообразные реальные проявления окружающей обстановки, устойчивый, запечатлевшийся в памяти образ Ахматовой был однозначен: непременно темное — лучше черное — платье, отсутствие косметики, простота, скромность, почти аскетизм. В этом, несомненно, угадывался и восточный минимализм.

Хорошо известно, что поэтический ахматовский образ тесно связан с мифом о ней — отчасти «склубившимся» вокруг ее имени, отчасти — созданным ей самой. Поэту Анне Ахматовой сопутствует ореол тайны. А к тайне, безусловно, очень идут и черный цвет, и темные платья. Она, и правда, носила их, и носила часто. Этот цвет, как кажется, никогда не

покидает воспоминаний об Ахматовой, прочно связан с памятью о ней. Литератор и журналист Павел Лукницкий вспоминает, как «еще стройнее, еще изящней казалась ее фигура в черном шелковом платье». Ему запомнилось, какая «нарядная, в черном шелковом платье, в ослепительных шелковых чулках» Ахматова пришла к нему однажды в гости, в 1927-м. Вот как начинаются «Разрозненные записи» поэта и переводчика, литературоведа Льва Озерова: «Она была в темном платье, легко узнаваема, хрестоматийность ее облика подчеркивалась жестами — плавными, исполненными гордой тайны». Позднее черный становится цветом траура и памяти по погибшим и безвинно репрессированным (муж Ахматовой Николай Степанович Гумилев был расстрелян, сын Лев Николаевич арестован и отбывал заключение в сталинских лагерях).

В черном (темном) Анна Андреевна и на знаменитом портрете Юрия Анненкова, фотографиях Моисея Наппельбаума, Николая Пунина, Льва Горнунга.



Юрий Павлович Анненков,
Портрет Анны Ахматовой



М. Наппельбаум. Анна Ахматова. 1921г.

Ведущий 2

В мире Ахматовой существовало очень значимое отсутствие драгоценностей, их неимение. В 1960 году она говорила своей подруге, прозаику, поэтессе и мемуаристке Лидии Чуковской: «Это не то, что какая-нибудь там буржуазная слава: ландо или автомобиль, старая дама, брильянты в ушах. Это — читайте товарища Жданова. Это — я!». Действительно, ни «ландо или автомобиля», ни «брильянтов в ушах» она не приобрела.

Конечно, были вещи и вполне материальные: «украшения любила — ожерелья, броши, перстни. Вопрос «идет или не идет» не был для Анны Андреевны безразличен», — отмечает литератор Наталья Ильина. Однако все украшения Ахматовой имели особое свойство: ее вещи пропитывались смыслом, накапливали в себе память, становились для нее символами. Она называла их регалиями — все свои украшения, проникнутые памятью, запечатлевшие в себе что-то важное, существенное, то, что называют «сущностное».

По портретам и стихам Ахматовой памятны различные ожерелья или бусы, которые она носила. Хорошо известны, скажем, стихотворное «на шее мелких четок ряд» и фотографическое отображение этих самых «четок» на знаменитом портрете Моисея Наппельбаума.

Чтец

«На шее мелких чёток ряд,
В широкой муфте руки прячу,
Глаза рассеянно глядят
И больше никогда не плачут.

И кажется лицо бледней
От лиловеющего шелка,
Почти доходит до бровей
Моя незавитая челка.

И непохожа на полет
Походка медленная эта,
Как будто под ногами плот,
А не квадратики паркета.

А бледный рот слегка разжат,
Неровно трудное дыханье,
И на груди моей дрожат
Цветы небывшего свиданья».



А. А. Ахматова

Сколько всего было бус и ожерелий? Помимо упомянутых «четок» и черных бус, вспоминаются «греховно красные» рубины из гумилевского стихотворения («На русалке горит ожерелье...») и малахит из 1910-х годов, о котором мы знаем по собственным воспоминаниям Ахматовой о ее летних аксессуарах начала 1910-х годов: «Я носила тогда зеленое малахитовое ожерелье и чепчик из тонких кружев».

Поэтесса Маргарита Алигер рассказывает, что во время эвакуации, на пароходе, шедшем из Казани, «кто-то из женщин обратил внимание на дымчатые бусы на шее у Анны Андреевны. «Это подарок Марины», — сказала она, и все вдруг замолчали. Не прошло еще и двух месяцев (со дня ее гибели)».

Интересно наблюдать за сменой украшений, запечатленной в описаниях Лидии Чуковской. Она видит Ахматову то в ожерелье «темно-синем, почти черном», то «в черном шелку и в белом ожерелье».

Бусы всякий раз подбирались под одежду, дополняли образ. Любопытно наблюдать за подбором необходимого, хорошо идущего аксессуара, свидетельницей которого стала однажды Лидия Чуковская. Как-то раз Нина Ольшевская заметила какой-то диссонанс в наряде Анны Андреевны и тут же сформулировала: «Вы надели не то ожерелье. Сейчас подам другое. Не ленитесь, наденьте».

Ведущий 2

Во все времена своей жизни Ахматова была прекрасна. Ее красота была радостью художников и фотографов. Каждый находил в ней неповторимые, пленительные черты характера. Даже в старости, отяжелев и став тучной, она обрела особую благородную статуарность, в которой выявилось отчетливо и покоряющее величие, царственность великолепной человеческой личности.

Скульптурность Ахматовой подчеркивалась многими современниками.

«Эта старая женщина с величавой осанкой украшала все, что бы на себя ни надевала», — подчеркивает писательница, публицист и журналист Наталья Ильина.

Прекрасно описывает ахматовскую статью переводчик, писатель, исследователь жизни и творчества Ахматовой Анатолий Найман: «Держалась очень прямо, голову как бы несла, шла медленно и, даже двигаясь, была похожа на скульптуру. И то, что было на ней надето, что-то ветхое и длинное, возможно, шаль или старое кимоно, напоминало тряпки, накинутые в мастерской ваятеля на уже готовую вещь». Так и само «рубище» превращалось в материал художника, да еще и драпировалось вечной ахматовской спутницей — шалью: «Можно накинуть на любое рубище, и все будет хорошо», — говорила Анна Андреевна.

Ведущий 1

В годы революционных и постреволюционных ветровеев, военного лихолетья Второй мировой в ахматовском «модном» лексиконе появляется еще одно определение для одежды: рубище, очевидно, наследовавшее уже упоминавшимся выше лохмотьям.

Ведущий 2

В последние годы жизни одним типом одежды, очень ценившимся Ахматовой, были халаты и кимоно. Собственно, ее любимые халаты и были настоящими кимоно, «китайскими мужскими пальто», как она их называла. Правильнее, наверное, было бы сказать: «японскими». Анатолий Найман предполагает: «Возможно, этот стиль начался с Пунина, с его поездки в Японию (в 1927 году)». Это любимое одеяние не покидало ахматовского гардероба ни в 1940-е, ни в 1950-е, ни в 1960-е годы.

Ведущий 1

Писатель, многолетний друг Ахматовой Виктор Ефимович Ардов вспоминал: «Своеобразный стиль одежды был в какой-то мере сохранен. В сороковых и пятидесятых годах гардеробом Анны Андреевны стала заведовать Нина Антоновна (Ольшевская, жена Ардова). Ахматова носила просторные платья темных тонов. Дома появлялась в настоящих японских кимоно черного, темно-красного или темно-стального цвета. А под кимоно шились, как мы это называли, «подряски» из шелка той же гаммы, но посветлее. Кроме Анны Андреевны, никто так не одевался, но ей очень шел этот несуетливый покррой и глубокие цвета, тяжелая фактура тканей».

Ведущий 2

Черный шелковый халат с серебряным драконом на спине в 1938 году впервые упоминает писательница и мемуаристка, подруга Ахматовой Лидия Чуковская. В нем она видит Анну Андреевну дома, в квартире Пунина.

В кимоно Ахматовой ничего не стоило прийти и в гости. Театровед и литературовед Виталий Виленкин вспоминает, как в доме известного ленинградского коллекционера Иосифа Израилевича Рыбакова все поднялись навстречу вошедшей Анне Андреевне: «Сначала мне померещилось, что она в чем-то очень нарядном, но то, что я было принял за оригинальное выходное платье, оказалось черным шелковым халатом с какими-то вышитыми драконами, и притом очень стареньким — шелк кое-где уже заметно посекея и пополз». Бывало, что в ожидании гостей, как пишет Анатолий Найман, она «выносила из своей комнаты затрапезное кимоно и совала его в руки кому-нибудь из домашних со словами: «Ах, милые улики, куда мне прятать вас?»».



А. А. Ахматова

Ведущий 1

Но был и другой момент ее торжественного облачения: «мантии», «рясы» — прослеживающийся и в обычном, «некитайском» домашнем халате, который Лидия Чуковская замечает в гардеробе Ахматовой в 1954 году. «На ней новый халат, — пишет Лидия Корнеевна, — лиловый — и такой пышный, торжественный, что в доме у Ардовых он именуется «рясой». Когда она при мне вошла в столовую в шуршащем лиловом халате — Ардов сказал, поднимаясь ей навстречу: «Благословите, отец благочинный!». И чуть дальше в воспоминаниях тема этого «священного одеяния» приобретает, с одной стороны, неожиданный, а с другой — обыкновенный ахматовский — оборот: происходит очередное преобразование действительности. «Она в своем лиловом халате с широкими рукавами; поднимет руки, ну, просто, чтобы прическу поправить, а впечатление такое, будто она воздела их к небу: то ли тебя благословляет, то ли молится».

Впрочем, эта «сакрализация» обычного бытового предмета успешно уравновешивалась в ахматовском мире десакрализацией. В письме, присланном зимой 1965 г. из Оксфордского университета, Анну Ахматову просили сообщить размер платья и головы, чтобы сшить докторскую мантию и шапочку. На вопрос близких, почему она медлит с ответом, Ахматова дала чисто женский и иронический ответ: «Я хочу еще похудеть». Кстати, в мантии Почетного доктора Оксфордского университета Анна Андреевна, как известно, ходила в Комаровский лес собирать грибы.



Ведущий 1

Ахматова с поистине царственным достоинством перенесла все выпавшие на ее долю удары судьбы — войны, политические перевороты, репрессии и запреты печататься, издевательские ждановские речи и последующие государственные постановления. Она осталась верной себе и России.

Чтец

«И упало каменное слово
На мою еще живую грудь.
Ничего, ведь я была готова.
Справлюсь с этим как-нибудь.
У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.
А не то... Горячий шелест лета —
Словно праздник за моим окном.
Я давно предчувствовала этот
Светлый день и опустелый дом».

Ведущий 2

Анна Ахматова одевалась стильно не только потому, что следовала моде, но могла выбрать одежду для себя. Она «прожигала», «растворяла» любую одежду. Анна Андреевна преподавала нам великий урок — не важно, что на тебе надето, главное — как ты это носишь. Не одежда преобразует тебя, а ты — одежду! И в рубище, и в драном халате можно выглядеть императрицей!

Ведущий

Чтобы преобразаться, хорошесть внешне и внутренне, не лишне будет взять в руки томик Ахматовой и погрузиться в истинно благородный и аристократический мир мыслей и чувств! Кстати, найти книги Анны Андреевны вы без труда сможете в нашей библиотеке!

Для получения дополнительной информации загляните в книги:

- **Ардов, М. Легендарная Ордынка. Портреты** /М. Ардов. — М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001
- **Коваленко, С. Анна Ахматова** /С. Коваленко. — М.: Молодая гвардия, 2009. — (Жизнь Замечательных Людей. Биографии и мемуары).
- **Найман, А. Рассказы о Анне Ахматовой** /А. Найман. — М.: Вагриус, 1999.
- **Черных, В. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой 1889–1966»**: монография /В. Черных. — М.: Азбуковник, 2016.
(признана книгой года в номинации «HUMANITAS». Книга получила премию имени Александра Блока)
- **Чуковская, Л.К. Записки об Анне Ахматовой. 1938-1941.** /Л.К. Чуковская. — Текст доступен по ссылке: <https://massolit.site/book/zapiski-ob-anne-ahmatovoj-1938-1941>

СОБСТВЕННЯ, СВОЕНРАВНАЯ И СВОБОДНАЯ ФОРМУЛА ОДЕЖДЫ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Сценарий информационного подиума



Чтец

«Блондинка с папироскою, в зеленом,
Беспочвенных безбожников божок,
Гремит в стихах про волжский бережок,
О в персиянку Разине влюбленном.

Пред слушателем, мощью изумленным,
То барабана дробный говорок,
То друга дева, свой свершая срок,
Сопернице вручает умиленной.

То вдруг поэт, храня серьезный вид,
Таким задорным вздором удивит,
Что в даме — жар и страха дрожь — во франте...

Какие там «свершенья» ни верши,
Мертвы стоячие часы души,
Не числящиеся в ее таланте ...»

Игорь Северянин

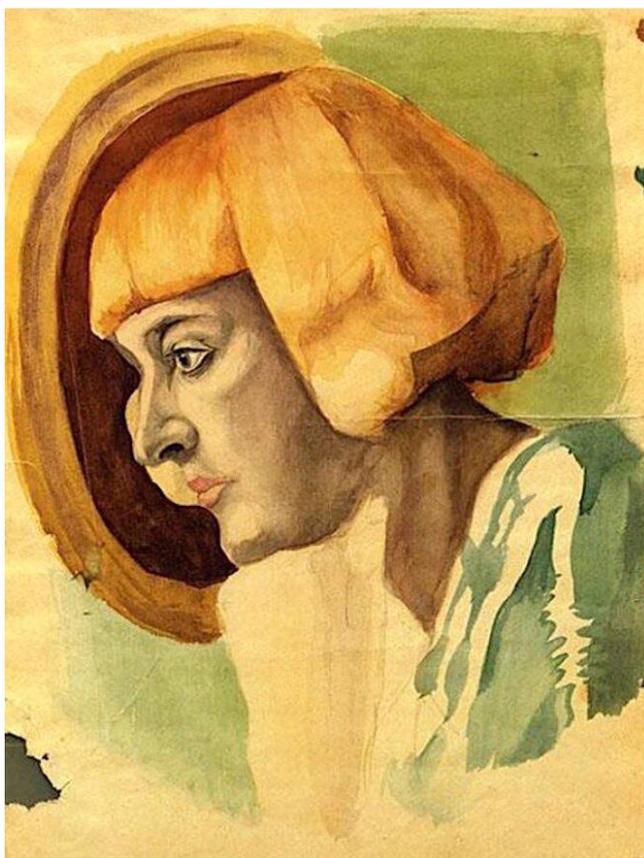
Ведущий 1

Дорогие друзья! Сегодняшний подиум пройдет под знаком Марины Ивановны Цветаевой. Нас ждет немало своенравного и непредсказуемого! Цветаева не вписывалась ни в одни литературные

рамки, не примыкала ни к одному из модных литературных течений того времени (ни к символистам, ни к акмеистам, ни к футуристам).

Ведущий 2

Очень точно подметил ее коллега по литературному цеху Иосиф Бродский: «Цветаева действительно самый искренний русский поэт, но искренность эта, прежде всего, есть искренность звука — как когда кричат от боли». Думаем, не стоит лишний раз рассказывать, что «кричать» Цветаевой было от чего. Человеческая и творческая судьба её сложилась непросто даже по меркам той трудной эпохи, в которую ей довелось жить.



Борис Шаляпин.
Портрет Марины Цветаевой

Ведущий 1

Так сложилась судьба, что Марину Цветаеву невольно сравнивают с другой ее великой современницей Анной Ахматовой.

Ахматова представляла аристократичный, «строгий и стройный» поэтический Петербург. Цветаева воплощала менее чопорную и более демократичную, пеструю Москву. Если Ахматова — законная императрица, то Цветаева — своевольная бунтарка, «самозванка».

Чтец

«Кабы нас с тобой — да судьба свела —

Ох, веселые пошли бы по земле дела!
Не один бы нам поклонился град,
Ох мой родной, мой природный, мой безродный брат!
Как последний сгас на мосту фонарь —
Я кабацкая царица, ты кабацкий царь.
Присягай, народ, моему царю!
Присягай его царице, — всех собой дарю!

Кабы нас с тобой — да судьба свела,
Поработали бы царские на нас колокола,
Поднялся бы звон по Москве-реке
О прекрасной самозванке и ее дружке.

Нагулявшись, наплясавшись на земном пиру,
Покачались бы мы, братец, на ночном ветру...
И пылила бы дороженька — бела, бела, —
Кабы нас с тобой — да судьба свела!»

Ведущий 2

Внешне и внутренне Цветаева — особой породы: не из банальных «камня» или «глины» сотворена. И даже — не «из плоти». Она — дитя столкновения стихий, «бренная пена морская», игривая и бурлящая, покорно и бездвижно оседающая кружевом на песке, гибнущая в момент рождения и воскресающая в новом ударе прибоя. В письме к одной из подруг Татьяне Николаевне Кваниной Цветаева дала точное определение своей поэзии: «Я всегда разбивалась вдребезги, и все мои стихи — те самые серебряные сердечные дребезги».

Чтец

«Кто создан из камня, кто создан из глины, —
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело — измена, мне имя — Марина,
Я — бренная пена морская.

Кто создан из глины, кто создан из плоти —
Тем гроб и нагробные плиты...
— В купели морской крещена — и в полете
Своем — непрестанно разбита!

Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволие.
Меня — видишь кудри беспутные эти?
Земною не сделаешь солью.

Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной — воскресаю!
Да здравствует пена — веселая пена —
Высокая пена морская!»

Ведущий 1

Цветаеву природа не одарила гламурной внешностью. В то же время многие мемуаристы отмечают поражающую незаурядность личности Марины Ивановны, «человека, к которому слово «незаурядный» применить мало, родилось тут же: это был человек особой, высочайшей породы» (Татьяна Николаевна Кванина, филолог). В книге «Люди, годы, жизнь» современник Марины Цветаевой Илья Эренбург подчеркивал: «В ней поражало сочетание надменности и растерянности <...> Она казалась не то барышней-недотрогой, не то деревенским пареньком». <...> В одном стихотворении Цветаева говорила о своих бабках: одна была простой русской женщиной, сельской попадьей, другая — польской аристократкой. Марина совмещала в себе старомодную учтивость и бунтарство, высокомерность и застенчивость, книжный романтизм и душевную простоту».



Единственный прижизненный портрет Цветаевой,
написанный Магдой Нахман

Ведущий 2

Философ, историк, искусствовед, переводчик, писатель Николай Артемьевич Еленев отмечал: «Одежда менее всего была заботой

Цветаевой. Она никогда не владела изяществом, никогда не думала о внешности. Пренебрежение не только к материальной культуре, но и к значению обличья Марина впитала в себя в Москве естественно, без раздумья. Платье на ней было всегда одно, независимо от его покроя, цвета, ткани: оно только наглухо прикрывало ее наготу, заставляло забывать о ней».

Ведущий 1

Разумеется, Цветаева (как любая женщина) не была равнодушна к тому, как она выглядит. В том числе и как она одета. Примечательно, что дочь Марины Ивановны Ариадна Сергеевна Эфрон в письме поэту Павлу Григорьевичу Антокольскому отмечала: «При ее пренебрежении к моде вообще, она не была лишена и женского, и романтического пристрастия к одежде, к той, которая ей шла».

«Не отвергала моду, как считали некоторые поверхностные ее современники», — уточняет Ариадна Эфрон. Но, не имея материальной возможности ни создавать ее, ни следовать ей, брезгливо избегала нищих под нее подделок и в годы эмиграции с достоинством носила одежду с чужого плеча. В вещах превыше всего ценила прочность, испытанную временем: не признавала хрупкого, мнущегося, рвущегося, крошащегося, уязвимого, одним словом — «изящного»».

Ведущий 2

Хотя Марина Ивановна никогда не уделяла своему облику слишком много внимания, да и не имела возможности тратить на одежду сколько-нибудь внушительные суммы, ей все-таки удалось создать узнаваемый образ. У Цветаевой был стиль одежды, совершенно не похожий на то, что носили в те времена, что было актуально и общепринято. Для поколений ее почитателей и читателей он неотделим от короткой стрижки с челкой, платья-рубашки, перевязанной грубым ремнем - поясом простым узлом, и непритязательного пальто.

При этом одежду она предпочитала мужского покроя (сейчас бы сказали — в стиле унисекс). В переписке со знакомыми просила заказать ей пальто и особо подчеркивала — непременно по мужским лекалам, со свободной широкой проймой. Некоторые видели в этом свидетельство ее весьма вольного отношения к любви, что в эпоху декаданса в творческих кругах, конечно, уже не так шокировало. Но можно предположить и более простой вариант. Узкие дамские рукава были для Марины Ивановны настолько неудобны, — ну, такой тип фигуры! — что становилось не до приличий.

Ведущий 1

Следует заметить, что Цветаева не была равнодушна к украшениям. Подчеркнем — разумеется, это были не помпезные бриллианты, а

простые, но оригинальные вещи. Среди дорогих для нее вещей — два внушительных браслета, бусы (особенно янтарные; их она иногда использовала как четки), антикварная брошь и брутально - изысканные мужские часы — были для нее вполне нормальным количеством побрякушек.



Браслеты Марины Цветаевой

Ведущий 2

У Марины Ивановны было особое отношение к кольцам. Каждое из этих украшений имело свою историю. Она писала Ариадне Берг, своей знакомой, которая очень много и деятельно помогала ей: «У нас с кольцами в семье — роман: моя мать, шестнадцати лет от роду, проезжая на пароходе по месту гибели Людовика Баварского и явственно услышав подводную музыку (все завтракали в каюте, она была одна на палубе, и музыка была для нее), бросила ему, т. е. в воду, свое первое, обожаемым и обожающим отцом подаренное, кольцо. Моя сестра Ася, тех же шестнадцати лет, в ответ на какое-то слово ее 18-летнего мужа (он погиб в двадцать один год), слово, разверзшее бездну непонимания глубже того озера, при мне сбросила с пальца — далеко в зеленую херсонскую степь — из окна курьерского поезда — свое первое кольцо — его подарок».

Марина Ивановна любила раздаривать свои кольца: «А я — всю жизнь — дарила, или надевала на все руки, это был мой рожденный жест».

Дочь Цветаевой Ариадна вспоминала: «Руки ее были не женственные, а мальчишечьи, небольшие, но отнюдь не миниатюрные, крепкие, твердые в рукопожатии, с хорошо развитыми пальцами.

Кольца и браслеты составляли неотъемлемую часть этих рук, срослись с ними».

Ведущий 1

Возможно, если б Марина Цветаева обладала большими финансовыми возможностями, то предпочитала бы простые наряды от именитых брендов. И не просто «из-за имени» (лейбла), а из-за качества, удобства и долгой «носибельности». Марина Ивановна говорила: «Моя формула одежды: то, что не красиво на ветру, есть уродливо».

Ведущий 2

Необычность облика и внутреннего мира Цветаевой проявились еще в детстве. Марина Цветаева — милая барышня, с розовым румянцем на щеках, с голубыми глазами, с пышным бантом и в платье с оборками? Нет, это явно не про нее! Цветаева вспоминала, что они с сестрой Асей не любили вычурных, нарядных платьев.



Марина и Анастасия Цветаевы

Ведущий 1

С трудом юная Цветаева вписывалась в стандартную гимназическую атмосферу. Соученица Марины Ивановны Татьяна Николаевна Астапова вспоминала: «Это была ученица совсем особого склада. Не шла к ней ни гимназическая форма, ни тесная школьная парта. И в самом деле, в то время как все мы — а нас в классе было 40 человек — приходили в гимназию изо дня в день, готовили дома уроки,

отвечали при вызове, Цветаева каким-то образом была вне гимназической сферы, вне обычного распорядка. Среди нас она была как экзотическая птица, случайно залетевшая в стайку пернатых северного леса. Кругом движенье, гомон, щебетанье, но у нее иной полет, иной язык».

Ведущий 2

Своеволие, протест против гимназической унификации (как и в наше время) проявлялся у будущей литературной звезды в эксперименте с цветом волос. Упоминаясь Татьяна Николаевна Астапова описала такой яркий эпизод из гимназической жизни Цветаевой: «Цветаева, появившись утром в классе, вызвала всеобщее удивление: волосы у нее за один день стали необычного соломенного цвета, и к ним была прикреплена голубая бархатная лента. По-видимому, в ее воображении все это должно было выглядеть иначе. Быть может, тут сыграло какую-то роль название сборника стихов Андрея Белого «Золото в лазури». Ее волосы привлекли внимание, ей задавали вопросы. Вероятно, Цветаевой это надоело, а возможно, эта причуда разонравилась и самой, но только вскоре она остриглась наголо и некоторое время носила черный чепец».

Ведущий 1

Дочь университетского профессора, создателя Пушкинского музея Ивана Цветаева и пианистки Марии Мейн, на фотографиях первого десятилетия XX века Марина Ивановна предстает respectable барышней-студенткой с длинными зачесанными волосами. Это полностью соответствовало русской моде рубежа XIX–XX веков. Коротких стрижек женщины тогда не носили, разве что некоторые курсистки или революционерки, которые унаследовали эту стрижку от нигилисток 1860-х годов как атрибут эмансипации.

Даже трудно представить в этой благонамеренной барышне одну из самых беззаконных звезд русского Серебряного века!



М.И. Цветаева с отцом И.В. Цветаевым

Ведущий 2

В 1910 году 18-летняя Марина Цветаева напечатала свою первую книгу стихов. На следующий год она познакомилась с художавым юношей с огромными глазами, бездонными, со всеми оттенками морской бездны, Сергеем Эфроном, и в январе 1912 года вышла за него замуж.



М.И. Цветаева и С.Я. Эфрон

Единственное кольцо, которое Марина сберегла, это кольцо из сердоликовой розовой, крупной бусины, которую ей подарил Сергей

Яковлевич Эфрон, встретив её на коктейбельском пляже, недалеко от дома Волошина. Она загадала на розовый этот цвет, на дымчатость, на прозрачность, на что-то еще. На глубоко закатный, гранатного вкуса. Какие оттенки и прожилочки имеет сердолик, кто знает? Загадала, едва взглянув на Эфрона, что, если найдёт он сердолик, гемуэзскую бусину, то она выйдет за него замуж. Он и нашёл. Вложил ей в ладонь. Сердоликовую, «гемуэзско-венецианскую бусину», оправленную в серебро массивного перстня, Марина иногда использовала ее как печать, «поцелуй» для письма, как украшение, не расставалась с ним.



Чтец

«Я с вызовом ношу его кольцо!
— Да, в Вечности — жена, не на бумаге! —
Чрезмерно узкое его лицо
Подобно шпаге.

Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.

Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза — прекрасно-бесполезны! —
Под крыльями раскинутых бровей —
Две бездны.

В его лице я рыцарству верна,
— Всем вам, кто жил и умирал без страху! —
Такие — в роковые времена —
Слагают стансы — и идут на плаху».

Ведущий 1

В этот период Марина Ивановна резко меняет свой имидж. Она обрезает свою косу. Знаменитой челки мы пока еще не видим, но для

начала 1910-х годов и такая прическа уже была достаточно смелой. В это время в обществе дамы еще продолжали носить длинные волосы и локоны, сооружая из них сложные прически. Коротко волосы стригли только «интеллектуалки», чтобы не походить на кисейных барышень. Взбитые волосы в этом кругу считались признаком пошлости.

Ведущий 2

Свой, ставший знаковым, образ Марина Цветаева, судя по всему, находит примерно в 1913 году. В это время на фотографиях из Коктебеля появляется узнаваемая стрижка. Поэтесса в очередной раз гостила там на даче у своего доброго друга, поэта и философа Максимилиана Волошина. По-видимому, эта прическа была личным изобретением Цветаевой. В воспоминаниях современники с удивлением отмечают, что Марина Ивановна была пострижена «в скобку», или «помужски». Тогда же она навсегда, несмотря на свою близорукость, снимает очки.



М.И. Цветаева

Ведущий 1

Стильно, красиво, но вовсе не по моде, а по своим правилам одевалась тогда Марина. Но она умела произвести фурор, быть неподражаемой. Примером может служить «золотое платье» из фанзы. Это платье подробно описывает актриса Мария Ивановна Кузнецова-Гринёва — актриса московского Камерного театра, литератор и драматург: «... зеркало занято! Стройная молодая женщина развязывает,

глядя в него, ленты капора. Я стою за ее спиной и о-о-ой! — какое на ней платье! Необыкновенное, восхитительное: шелковое, коричнево-золотое, широкое, пышное, до полу, а тоненькую талию крепко обтянул старинный корсаж. У слегка открытой шеи — камей. Волшебная девушка из прошлого века! Себя я чувствую жалкой, одетой безобразно: в узкой короткой юбке с разрезом внизу («как у всех»).

Из дневников Цветаевой известно, что платье специально шили на Марину. Так что, скорее всего, найти прямой аналог среди туалетов 1890-х не выйдет. Это был уникальный, авторский наряд: «Сегодня готово мое золотистое платье из коктебельской летней фанзы, купленной Левого на халат. Платье для меня пленительное: пышный лиф и рукава, гладкая юбка от талии. Платье по последней моде превратилось на мне в полудлинное платье подростка, — хотя оно и до полу. Странно, какой бы модный фасон я ни выбрала, он всегда будет обращать внимание как редкий и даже старинный».

Выходных платьев у меня сейчас 5: коричневое фаяевое — старинное, как черное фаяевое и атласное — синее с красным; костюм, вроде смокинга, — темно-коричневый шерстяной с желтым атласным жилетом и черными отворотами; наконец это золотое. Домашние — ужасны, — изношены и подлы».

По поводу этого «принцессинного платья» Цветаева писала Михаилу Соломоновичу Фельдштейну — юристу, правоведу, публицисту: «...страшно праздничное: ослепительно-синий атлас с ослепительно-красными маленькими розами. Не ужасайтесь! Оно совсем старинное и волшебное. Господи, к чему эти унылые английские кофточки, когда так мало жить! Я сейчас под очарованием костюмов».



Вечернее платье работы Дома Ворт, 1890-е гг.
(Фай — шелковая ткань репсового переплетения, проще говоря, «в рубчик». Фай выпускался однотонным).

Ведущий 2

Внутренне состояние, эмоциональное преобразование, несомненно, отражается и во внешнем облике, преображает его. Не была исключением и Цветаева. Ее гимназическая подруга Валентина Константиновна Перегудова (урожденная Генерозова) едва узнала Марину Ивановну: «Марина, но совсем, совсем другая: в красном пальто с пелериной, отделанной по краям мехом, в такой же шапочке, в модных туфлях на высоких каблуках, с свободной и легкой походкой. Все это я разглядела, еще когда шла позади нее. Да неужели это та самая Марина, так мало раньше занимавшаяся своей внешностью, всегда скромно и даже немного небрежно одевавшаяся, и издевавшаяся в пансионе над девочками, рассказывавшими, захлебываясь от восхищения, о виденных ими на ком-то «туалетах»? Настолько резок был контраст между прежней Мариной и вновь увиденной, что эта встреча навсегда запечатлелась в моей памяти со всеми подробностями. Сразу мелькнула мысль: Марина полюбила кого-то, в ней проснулась женщина, желающая нравиться. Невольно вспомнились ее наивные клятвы отказаться от личного счастья, всю себя отдать борьбе за светлое будущее для всего человечества».

Ведущий 1

После кровавого начала XX века с мировой войной и революциями нежная женственность становится неуместной. Это, безусловно, остро ощущает Цветаева. Вызовом был и ее «чудовищный» наряд на вечере поэтесс, организованном в 1920 году Валерием Брюсовым в Большом зале Политехнического Музея. Вот как описывает его сама Марина Ивановна в очерке «Герой труда»: «... в тот день была явлена «Риму и Миру» в зеленом, вроде подрясника, — платьем не назовешь (перефразировка лучших времен пальто), честно (то есть — тесно) стянутом не офицерским даже, а юнкерским, 1-ой Петергофской школы прапорщиков, ремнем. Через плечо, офицерская уже, сумка (коричневая, кожаная, для полевого бинокля или папирос), снять которую сочла бы изменой и сняла только на третий день по приезде (1922 г.) в Берлин, да и то по горячим просьбам поэта Эренбурга. Ноги в серых валенках, хотя и не мужских, по ноге, в окружении лакированных лодочек, глядели столпами слона. Весь же туалет, в силу именно чудовищности своей, снимал с меня всякое подозрение в нарочитости («ne peut pas qui veut» [«Не всякий может, кто хочет» (фр.)]). «... не то монастырская послушница, не то только что мобилизованная сестра милосердия. Все ее существо горит поэтическим огнем, и он дает знать о себе в первый же час знакомства», — вспоминал поэт Павел Антакольский.

Ведущий 2

Когда после революции пришлось выживать — она ездила по деревням за едой — и купила себе янтарные бусы, простые, как у баб в широких юбках, понимая, что она — такая же, как они, что судьба у них теперь общая. И носила эти бусы. А шляпка её, в холодной Москве — символ ушедшего благополучия, а ботинки завязаны были веревками, не шнурками, и было уже всё равно.



Ведущий 1

В 1922 году Марина Цветаева уехала за границу к мужу Сергею Эфрону, который оказался в эмиграции как деникинский офицер. Они жили в Берлине, Праге, Париже, порой на грани полной нищеты.



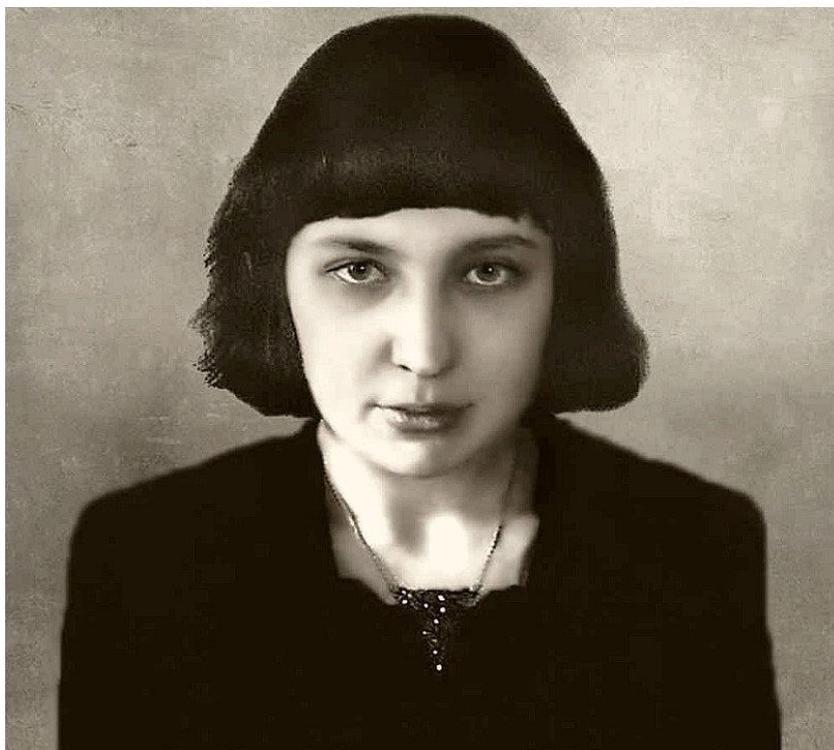
М.И. Цветаева

Ведущий 2

Преданность своей челке Цветаева сохраняет. Как вспоминал Вадим Андреев, не только из кокетства, но и из практичности: она часто обжигала свои русые волосы сигаретой, опираясь на руку с неизменной папиросой, поэтому челку приходилось обстригать короче. Форма стрижки, тем не менее, периодически меняется, следуя модным тенденциям.

«Стрижка «боб» уже появляется в Париже (впервые в 1909 году), но пока остается малопопулярной. Во время Первой мировой войны она проникает в Англию. Челку уже можно заметить у некоторых передовых дам, однако в моде все так же остаются локоны, завивка с помощью горячих щипцов, тщательно убранные волосы.

В послевоенные десятилетия мода наконец нагоняет Цветаеву. Излюбленная ею короткая стрижка становится крайне популярной. Этому способствовали годы Мировой войны: многим женщинам пришлось заняться физическим трудом на фабриках, и локоны с завивкой оказались непрактичными. Повсюду царит лаконичное и элегантное ар-деко, вдобавок, в 1922-м открыта гробница Тутанхамона — и короткие стрижки древнеегипетских женщин становятся примером для подражания».



М.И. Цветаева

Ведущий 1

В эмиграции Цветаева так и не стала модницей и сохранила верность своему собственному стилю одежды и прически: платье-рубашка, перевязанная поясом простым узлом; туфли-вездеходы, волосы — прямоугольно стриженные (как подчеркивала Валентина Евгеньевна Чирикова, художник-график, «не для украшения лица, а как оконный пролет в мир. И все так: чтобы не мешало, не отвлекало».

Ведущий 2

«Марина Ивановна была одета всегда предельно скромно, в некое подобие «дирдели-клейд» — стилизованную одежду немецких девушек подросткового возраста», — отмечает литератор Вера Леонидовна Андреева. Это платье из ситца или другой, похожей на ситец, материи, какого-нибудь неяркого цвета, с неяркими же, мелкими цветочками. Оно шито в талию, у него широкая сборчатая юбка и четырехугольный вырез; рукава короткие. Это платье удивительно шло Марине Ивановне».



М.И. Цветаева с дочерью Ариадной

Ведущий 1

В 1930-е Марина Цветаева все-таки меняет свой имидж. Видимо, с возрастом ей перестало нравиться фотографироваться, и снимков осталось мало. На тех, что сохранились, больше нет короткой, обрезанной под скобку челки, она становится длинной и опять волнистой, как в юности. Её волосы начинают седеть — на поздних снимках Цветаева кажется чуть ли не блондинкой.



М.И. Цветаева

Ведущий 2

На родину 47-летняя поэтесса вернулась в 1939 году. Кто видел Цветаеву, даже только что приехавшую из Парижа, говорили: «Из Парижа? И не скажешь! Совсем нашенская». Женщина без шарма. «Никаких парижских туалетов — отмечает литературовед Евгений Борисович Тагер», — суровый свитер и перетянутая широким поясом длинная серая шерстяная юбка».

Ведущий 1

Соседка Марины Ивановны в Москве в 1940–1941 гг. Ида Брониславовна Игнатова отмечала: «Одевалась просто. Обычно в строгие блузки и широкие, в сборку юбки из грубой шерсти, перетянутые на очень тонкой талии».

Цветаеву разные люди запомнили в хозяйственном фартуке с большими карманами. Но вот парадокс: Ахматову даже в бесформенном потрепанном халате воспринимали все равно «королевой в изгнании», а Цветаеву — замученной и неухоженной женщиной.



М.И. Цветаева

Ведущий 2

«Невысокого роста, сухощавая, с угловатыми, резкими движениями, плохо одетая, впрочем, как и большинство из нас в те предвоенные годы. Только недавно из Европы, из Парижа, но ничего оттуда, все как-то по-нашенски, по-русски, по-советски, плохо пригнано, долго ношено, небрежно надето. Просто надо же что-то носить. Но это отнюдь не от пренебрежения к одежде», — пишет литературовед Мария Иосифовна Белкина. Желание быть хорошо одетой, мне кажется, было ей свойственно, и красивая тряпка — конечно, с ее точки зрения красивая — могла доставить ей не меньшую радость, чем любой другой женщине, а может быть, и большую, в силу ее темперамента. Но обстоятельства одолели! И это небрежение к тому, что и как на ней, относилось скорее не к одежде как таковой, а к невозможности ее, к бедности, к вечной нужде! <...> Чаще всего ее можно было встретить в костюме: юбка, широкая книзу, длинная, «миди», как говорят теперь, блузка из той же материи, что и юбка, жакет, берет и туфли на низком каблуке. <...>

Ее костюмчик, блузки — все было оттуда, из Парижа, но, как я уже говорила, все это выглядело очень по-нашенски, и не только потому, что было дешевым и давно ношеным, но и потому, как носилось. Мне кажется, доставь ей платье от самого Покена, и она бы все переиначила на свой лад, подпоясалась бы каким-нибудь первым приглянувшимся, первым попавшимся под руку ремешком, и от Покена ничего бы не осталось. Я помню, как она носилась с белым меховым воротником от тулупа, пришивая его то к пальто, то к жакету, уверяя, что он серебряный, необыкновенный и ей к лицу».

Ведущий 1

В советской России Цветаева столкнулась с жестокостью сталинской государственной машины. Муж Сергей Эфрон и дочь Ариадна были арестованы (а ведь это они были инициаторами возвращения на Родину и уговаривали Марину Ивановну). С началом Великой Отечественной войны положение ухудшается. Никакой работы нет, книги не печатаются. В поисках хоть какого-нибудь выхода из создавшейся ситуации она уезжает в Елабугу. Но и там ничего не меняется. Великий поэт Марина Цветаева униженно просит дать ей место посудомойки! Очередной отказ, невозможность выхода из создавшегося положения, отчаянье приводит к трагедии. Жизнь Цветаевой обрывается.

Ведущий 2

Марина Цветаева учит нас свободному отношению к одежде, умению обращать внимание на уместность и качество вещи, а не на раскрученный лейбл.

Ведущий 1

«Я хочу такой скромной, убийственно-простой вещи: чтобы, когда я вхожу, человек радовался» — утверждала Цветаева.

Доставьте же радость своим уму и сердцу — читайте ее замечательные книги! Они есть и на полках нашей библиотеки.

Для получения дополнительной информации загляните в книги:

- **Анискович, Л. Марина Цветаева. Благоуханная легенда / Л. Анискович. — М.: Логос, 2008.**
- **Белкина, М. Скрещение судеб /М. Белкина. — М.: Изографус, 2005.**
- **Кудрова, И. Просторы Марины Цветаевой: поэзия, проза, личность/ И. Кудрова. — М.: Вита Нова, 2003.**
- **Одоевцева, И. В. На берегах Невы: Литературные мемуары. / И. В. Одоевцева. — М.: Худож. лит., 1989.**
- **Разумовская, М. Марина Цветаева. Миф и реальность /М. Разумовская. — М: Радуга, 1994.**
- **Саакянц, А. А. Твой миг, твой день, твой час. Жизнь М. Цветаевой / А. А. Саакянц. — М.: Аграф, 2002.**
- **Смирнова, М. За испорченный образ- кулак. О Марине Цветаевой /М. Смирнова. — М.: Бегемот, 2007.**
- **Труайя, А. Мария Цветаева /А. Труайя. — М.: Эксмо, 2005. - (Русские биографии)**
- **Швейцер, В. Марина Цветаева/В. Швейцер. — М.: Молодая гвардия, 2009. — (Жизнь Замечательных Людей).**